

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ В.П. БУРЕНИНА

Литературная репутация В.П. Буренина сложилась давно и прочно. На оценку его литературного наследия свой отпечаток наложила его деятельность в 1880-х – 1910-х гг. в газете «Новое время», и чаще всего о нем писали именно как о сотруднике этого издания. Его выступления против представителей различных литературных групп, школ, течений, политики «толстых» журналов снискали ему печальную славу беспринципного критика, пишущего в расчете на дешевый успех у публики. Закрепились представления о том, что у него вообще не было каких-либо позиций и убеждений. Между тем, судить об этом, опираясь только на газетные публикации в поздний период творчества, неверно. Эстетические взгляды В.П. Буренина менялись, что нашло отражение в его историко-литературной концепции, сложившейся к 1880-м гг., а также воплотилось в трех книгах этого десятилетия. Именно это обусловило его отношение к произведениям литературы и искусства последней трети XIX и начала XX вв.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы подвести итоги изучения трех книг писателя, которые отделены от «газетной» критики как два типа критической деятельности. В.П. Буренин был ярким представителем «газетной» критики. Преимущественной сферой критики в России XIX в. были «толстые» журналы, каждый из которых проводил свою «политику» в области литературы, искусства, общественной жизни. Возглавив литературный отдел газеты «Новое время» в 1876 г., В.П. Буренин разработал другой тип рецензии, представляющий собой оперативную и краткую реакцию на книжные новинки, журнальные публикации, театральные постановки. Ему были присущи повышенная публицистичность, использование элементов пародии, сатиры, а также личные выпады против авторов, которые можно связать с «эстетикой скандала», сформировавшейся еще в «Искре». «Газетная» критика в диссертации привлекалась для выявления специфики другого типа критической оценки, выразившегося в книгах В.П. Буренина, и до сих пор предметом специального анализа не была. Для нее характерны нейтральный стиль, сдержанность, аргументированность, аналитизм, попытка рассмотреть явление в контексте. Она существенно отличается от стилевой манеры В.П. Буренина-фельетониста, позволяет говорить о том, что именно в книгах 1880-х гг., а не в «Новом времени» он выступает серьезным, вдумчивым и знающим историком литературы и литературным критиком.

Его историко-литературные и критическо-публицистические книги подводили итоги его собственной деятельности за двадцать пять лет. В них были собраны, по нашему мнению, только те публикации, которые сам автор

считал значимыми для характеристики своих взглядов на историю литературы и места в ней творчества отдельных русских писателей. По сей день значение этих книг для выявления его историко-литературной концепции не установлено. Научно-популярная монография «Литературная деятельность Тургенева» вышла в свет в 1884 г. была первым к тому времени исследованием, посвященным творчеству этого писателя. В критико-публицистическую книгу «Критические очерки и памфлеты» (1884) собраны материалы разного характера и, видимо, они были призваны продемонстрировать взгляды автора на различные явления культурной и общественной жизни той поры. Образцом для нее был «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. Историко-литературная книга статей «Критические этюды» (1888) представляла собой издание о «гениях» русской литературы, в которой литературные и эстетические позиции В.П. Буренина выразились со всей полнотой.

Он подошел к периоду 1880-х гг., пережив увлечение идеями революционных демократов и разочаровавшись в них, был склонен поддерживать официальную линию правительства на укрепление приоритета русского во всех сферах, и в этом сближается с А.С. Сувориным. Но если владелец «Нового времени» полагал, что литература – это «то, из-за чего нам нечего волноваться», то В.П. Буренин именно литературу и искусство избрал для утверждения русского превосходства. Но его взгляды на своеобразие и ценность русской литературы нельзя объяснить только политикой или определенной общественными настроениями: его позиции были обусловлены несколькими факторами. Их философско-эстетическими предпосылками было романтическая теория «гениев», почвенничество и воззрения А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова.

Реконструкция историко-литературных представлений В.П. Буренина свидетельствует о том, что он был своего рода «поздним» и безрелигиозным «почвенником», сближавшегося с панславистами, а также эпигоном романтической по своей сути теории «гениев», восходящей к двум разным источникам (Ф. Шеллинг и В. Гюго). Воспринятая А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым, у каждого из них она сочеталась с иными элементами и не обуславливала специфического – идеалистического у А.А. Григорьева и рационалистического у Н.Н. Страхова – подхода к явлениям искусства, а органически сочеталась с индивидуальными представлениями о ценности литературы. В книгах В.П. Буренина представлена упрощенная и прямолинейная трактовка обеих теорий с акцентом на теории Ф. Шеллинга. Кроме того, в его высказываниях слышны отзвуки того, что говорилось в разное время разными критиками – от М.П. Погодина до революционных демократов, от критиков-«почвенников» до А.Н. Пыпина. Это было в целом свойственно тому периоду развития русской критики, который обнаружил

исчерпанность ее прежних подходов. «Новая» русская критика только нарождалась, в ней, особенно в критике символистов, вырабатывались иные взгляды на литературу и искусство, но в период 1880-х гг., когда создавались книги В.П. Буренина, было очевидным, что ни один из критиков, ни одна из литературных «партий» не может предложить свежего взгляда на литературу и искусство. Об этом писал молодой В.В. Розанов в статье «Почему мы отказываемся от наследства "60-х годов"», высказывавший неудовлетворенность народническим пониманием задач литературы, это проявилось и в ранних статьях молодого Д. Мережковского, находившегося между народническими представлениями и идеализмом, и в публикациях А. Волынского, позднее собранных в книгу «Русские критики». В этом смысле эклектизм концепции В.П. Буренин был явлением характерным. Но его, построенная на различных основаниях историко-литературная концепция, по-своему была стройной и последовательной. Она стала средством утверждения идеи о национальной самобытности русской словесности, равновеликой западноевропейским литературам.

Ее определяла восходящая к почвенничеству мысль о том, что русская литература осталась единственной сферой, которая не попала под иностранное влияние. Потому она способна представлять национальное своеобразие лучше и вернее, чем другие сферы жизни русского общества. Русские «гении» в духе шеллингианства рассматриваются В.П. Бурениным как «рупоры» своей нации, представляющие ее перед Европой. Сформировавшиеся на национальной почве, они выразили народные чаяния, стремления, несли западноевропейской культуре ценности, свойственные только русскому народу, прежде всего, его бескорыстие, идеализм, простоту, духовность и душевность. К факторам чисто русским, не повторявшимся нигде в Европе, В.П. Буренин относил дворянско-помещичью среду, обеспечившую материальное благополучие, прочное образование и творческую свободу русских писателей-классиков.

Первым «гением», о котором В.П. Буренин написал в 1884 г., был И.С. Тургенев. Критик оценивал его творчество как выражающее «коренные» русские ценности и закрывал глаза на его «западничество». Следуя основным положениям почвеннической доктрины, критик обходит важнейшее из них – православие, при этом настойчиво подчеркивает связь мировоззрения И.С. Тургенева с «почвой». Стремление утвердить представление о писателе как о национальном «гении» обусловило акцентирование одних сторон его наследия и умолчание о других, причем без необходимой в таком случае аргументации.

Создание «Записок охотника» в Европе, а не в России, он объяснял нежеланием писателя видеть ужасы крепостного права. Характеристика европейской общественной и культурной жизни у В.П. Буренина близка к характеристике, которую давал Европе Ф.М. Достоевский в очерке «Летние

заметки о зимних впечатлениях» и в «Дневнике писателя»: при сопоставлении с последним выявлены буквальные соответствия. В оценке взглядов И.С. Тургенева В.П. Буренин разошелся с мнением А.А. Григорьева, который не одобрял бегства писателя на Запад, а также его увлечения европейской культурой и искусством. Жанр «Записок охотника» В.П. Буренин обозначил, как «поэму», настаивая на поэтизации русской действительности и отсутствии в цикле обличительного элемента. Как и А.А. Григорьев, он считал образ Лаврецкого глубоко национальным, а изображение его славянофильства – сочувственным. Таким же русским был, по его мнению, и образ Лизы, являющийся прямым продолжением образа пушкинской Татьяны. В.П. Буренин шел вслед за А.А. Григорьевым при характеристике образов Елены и Инсарова, отказывая им в национальной типичности. Истинно русскими чертами повествования в «Отцах и детях» он называл поиски правды, отсутствие приукрашивания действительности, свойственное, будто бы, произведениям Диккенса и Жорж Санд. Превосходство над европейскими писателями И.С. Тургеневу обеспечивает в глазах В.П. Буренина и его творческая плодовитость. Утверждение самобытности творчества писателя проводится в монографии последовательно, настойчиво и несколько прямолинейно, но иногда входит в противоречие с самой сутью его творчества и характеризует, скорее, взгляды критика, чем наследие И.С. Тургенева.

В книге «Критические очерки и памфлеты» проявился полемический взгляд на различные стороны русской действительности. Он осуждает приверженность молодежи ложно понятой идее прогресса, буржуазного порядка хозяйствования, увлечение западными идеями. Свидетельством оторванности от «почвы», по его мнению, является и кружок «западников», воспоминания о котором публиковал П.В. Анненков. В.П. Буренин умалчивает о принадлежности к нему И.С. Тургенева и резко критикует прекраснодушие и идеализм Герцена, Грановского, Огарева. В книге «Критические этюды», посвященной, в основном, творчеству русских «гениев», мысль о выражении ими коренных русских идеалов становится сквозной. Она проводится путем превознесения эрудиции «гениев», сопоставления их образованности с уровнем знаний европейских писателей; противопоставления русской школы музыки, основателем которой он считал М.И. Глинку, пагубному действию школы П.И. Чайковского.

Второй фактор, обусловивший своеобразие историко-литературной концепции В.П. Буренина, – влияние критики Н.Н. Страхова и А.А. Григорьева. В его статьях обнаруживаются отдельные аргументы этих критиков, в целом он делает тот же выбор произведений для анализа, что и они, упоминает их статьи или суждения как образец подлинной критики, цитирует значительные фрагменты их статей, нередко заменяя ими собственные суждения. В.П.

Буренин иногда полемизирует с мнением В.Г. Белинского, авторитет которого был для него, тем не менее высок. Имена своих оппонентов он, как правило, не называет. Пересказывая какое-либо критическое мнение, он его упрощает, утрирует и именно с ним вступает в полемику. Потому определенную сложность представляет определение источника этого мнения. Когда же такая возможность есть, то оказывается, что для В.П. Буренина неважна система аргументации его оппонента: он вырывает из контекста какую-то мысль и многократно ее повторяет, доводя высказывание до абсурда (полемика с Н.К. Михайловским, А.Н. Пыпиным): оспариваемое им мнение уже почти не связано с исходным высказыванием. На это справедливо обращал внимание Н.К. Михайловский.

Вместе с тем, В.П. Буренин верно отметил односторонность взглядов революционных демократов на задачи литературы и искусства, указал на недостатки социологической оценки творчества русских писателей. Он полагал, что, недооценивая эстетизм, революционные демократы недооценили и вклад писателей в развитие русской литературы, и их место в ее истории. Критику удалось охарактеризовать разницу между двумя периодами в развитии литературы и критики – 40-ми и 60-ми гг., пояснить причины публицистичности творчества писателей-разночинцев, связь с обличительными тенденциями русской литературы. Также он высоко и справедливо осмыслил творчество Г. Успенского, утверждая право писателя изображать неприглядные стороны действительности самой сущностью искусства, в котором и негативное, и ужасное, и неприглядное может быть изображено эстетически прекрасно. При характеристике полемики вокруг его творчества он использовал выражение Ф.М. Достоевского «желтоперчаточная критика».

К «гениям» русской литературы В.П. Буренин относит четыре имени: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. А.Н. Гончаров и Ф.М. Достоевский гениями признаны не были. Основанием для того, чтобы не относить их к этой категории творцов, была теория «гениев» Ф. Шеллинга, воспринятая и примененная упрощенно. Романтическая убежденность в том, что только «гений» способен представить национальную литературу и утвердить ее самоценность, была применена к литературе русского реализма, что задавало неверное понимание ее сути и значения. Потому, вероятно, у В.П. Буренина было недостаточно аргументов в подтверждение своей точки зрения, и он ограничивается декларациями.

Вместе с тем, своеобразный аспект осмысления истории русской литературы позволил ему верно и точно определить некоторые особенности творчества писателей, которые не потеряли своей важности по сей день. В.П. Буренин выстроил собственную иерархию русской литературы, основоположником которой стал «первый русский поэт» А.С. Пушкин. В этом он продолжал А.А. Григорьева и разошелся с мнением Н.Г. Чернышевского.

Недооценивая раннее творчество А.С. Пушкина, связывая его лишь с влиянием Байрона, он, в то же время, высоко оценил его поэзию, прозу, а также влияние, оказанное им на последующее развитие литературы. Критик признавал высокую эстетическую ценность творчества, психологизм, мастерство в описании природы у И.С. Тургенева и его преемственную связь с творчеством А.С. Пушкина. Он полагал, что личность М.Ю. Лермонтова трактуется неверно и что его творчество нельзя относить ко «второму» ряду.

В.П. Буренин в противоположность В.Г. Белинскому, письмо которого к Н.В. Гоголю с изъятиями было опубликовано в России в журнале «Русский Архив» (1866), высоко оценил книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» и показал неслучайный характер ее проблематики. В связи с духовными устремлениями писателя он назвал его писателем-подвижником, что соответствует современному взгляду на личность Н.В. Гоголя. Сближая творчество русского писателя с творчеством Сервантеса, он высказывал убеждение в том, что сатирическое обличение не противоречит углубленному духовному содержанию, не может означать легковесности творчества. Критику удалось верно и точно оценить значение творчества Л.Н. Толстого, показать глубоко народный характер его драматургии, выявить в ней тонкое понимание народной психологии, нравственности, строя мысли и речи. В.П. Буренин был одним из тех критиков, кто сразу же откликнулся на выход в свет произведений писателя и никогда не менял своего высокого мнения о них, в целом верно оценивая их идейно-художественные особенности.

В.П. Буренин в своих историко-литературных книгах продолжал почвеннические традиции, но во многом истолковывая их по-своему, отодвигая на второй план православие и выдвигая на первый неприятие понимания прогресса, увлечение чуждыми идеями. Во многом его взгляды совпали и с мировоззрением ранних панславистов, которые объединяли идею Ф. Шеллинга о «гениях» с идеей народа-государства. В духе Ф. Шеллинга В.П. Буренин рассматривал русских «гениев» как наиболее ярких носителей национальных ценностей. Он создает собственную историко-литературную концепцию, которая отличалась эклектизмом, но все же позволяла ему увидеть важнейшие отличительные черты творчества русских писателей.

Три книги В.П. Буренина 1880-х гг. свидетельствуют о серьезном и вдумчивом отношении к истории русской литературы и проблемам ее развития

во второй половине XIX в. Он осмыслял ее в меру своих возможностей и таланта. Но во многом спорная, иногда вызывающая недоумение, его концепция является свидетельством увлеченной и искренней веры в великие возможности русской национальной литературы.

Анотація

С.Л. Лобзова. Об особенностях историко-литературной концепции В.П. Буренина.

У статті підводяться підсумки дослідження трьох книг В.П. Буреніна 1880-х рр.. Відмічається, що саме у них критик висловив свій погляд на історію російської літератури як історію геніїв, що зумовлено впливом ідей почвенічества, філософії Ф. Шеллінга, критикою А. Григор'єва та Н. Страхова. Концепція В.П. Буреніна відрізняється еклектизмом, деякими протиріччями, вторинністю, що взагалі притаманне російській критиці 1880-рр., яка знаходилася у пошуках нової естетичної парадигми.

Ключові слова: історико-літературна концепція, почвенічество, шеллінгіанство, панславизм, народ-держава, теорія геніїв.

Аннотация

С.Л. Лобзова. Об особенностях историко-литературной концепции В.П. Буренина.

В статье подводятся итоги изучения трех книг В.П. Буренина 1880-х гг. Отмечается, что именно в них критик выразил свой взгляд на историю русской литературы как историю гениев, что обусловлено влиянием идей почвенничества, философии Ф. Шеллинга, критикой А. Григорьева и Н. Страхова. Концепция В.П. Буренина отличается эклектизмом, некоторыми противоречиями, вторичностью, что в общем присуще русской критике 1880-х гг., которая находилась в поисках новой эстетической парадигмы.

Ключевые слова: историко-литературная концепция, почвенничество, шеллингианство, панславизм, народ-государство, теория гениев.

Summary

S.L. Lobzova. About the Features of Historical and Literary Conception of V.P. Burenin.

The article presents the conclusions of the research of 3 books by V.P. Burenin (1880th).

It is marked, that exactly in them the critic expressed the look at the history of geniuses that is caused by the influence of the ideas of pochvennichestvo, F.Schelling's philosophy, A.Grigoriev and N. Strakhov's criticism. The conception of V. P. Burenin differs in eclecticism, some contradictions, secondaryness, that in general, connected with the Russian criticism of 1880th, that was in search of a new aesthetic paradigm.

Keywords: historical and literary conception, pochvennichestvo, shellingianstvo, panslavism, people-state, theory of geniuses.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф. Е.А. Андрущенко.